

АППЕЛЯЦИОННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Госпоже/Господину Президенту, а
также Советникам, состоящим в
Брюссельском апелляционном суде

ИМЕЯ ЧЕСТЬ ИЗЛОЖИТЬСЯ,

Республика Казахстан, в лице Министра юстиции, в Министерстве юстиции, расположенном по адресу: 010000 Astana (Kazakhstan), Left Bank, Mangilik El Street 8, House of Ministries, 13 (010000 Астана (Казахстан), Левый берег, ул. Мангилик Эль 8, Дом министерств, 13),

далее «Республика Казахстан»,

Апеллирующая сторона

в лице адвокатов г-на Арно НЮИ (Arnaud NUYTS) и г-на Бруно АРДИ (Bruno HARDY), кабинет которых находится по адресу: 1000 Bruxelles (Брюссель), Boulevard de l'Empereur 3, (a.nuyts@liedekerke.com и b.hardy@liedekerke.com; тел.: +32 2 551 14 72; факс: +32 2 551 14 54).

*

1. Уведомление противостоящим сторонам

О данном заявлении необходимо уведомить:

(1) Господина **Анатолия Стати (Anatolie Stati)**, предпринимателя, проживающего в Молдове (Республике) по адресу: MD- 2008, Chisinau, Dragomirna Street, 20;

(2) Господина **Габриэля Стати (Gabriel Stati)**, предпринимателя, проживающего в Молдове (Республике) по адресу: MD- 2008, Chisinau, Ghiocilor Street, 1A;

(3) Компанию **Ascom Group SA**, учрежденную в соответствии с иностранным законодательством, юридический адрес: Молдова (Республика), MD-2009, Chisinau, Mateevici Street, 75A (далее «Ascom»);

(4) Компанию **Terra Raf Trans Traiding Ltd**, учрежденную в соответствии с иностранным законодательством, юридический адрес: Гибралтар, GI-13/1 Line Wall Road (далее «Terra Raf»);

далее вместе обозначены как «Stati»,

Стороны-ответчики

в лице адвокатов г-на Стана БРИЙСА (Stan BRIJS), г-жи Софи ЖАКМЭН (Sophie JACMAIN) и г-на Жана-Франсуа ВАН ДРООГЕНБРОЙКА (Jean-François VAN DROOGENBROECK),

кабинет которых находится по адресу: 1000 Bruxelles (Брюссель), Chaussée de la Hulpe 120, для целей данного процесса выбрав с помощью официального письма от 21 января 2020 г. на имя судебного пристава г-на Марка Сакре (Marc Sacré) следующий адрес проживания: 1081 Koekelberg (Кокельберг), avenue de Jette 32;

2. Место и дата явки в суд

Сторонам-ответчикам предлагается явиться на слушание (дата) в (время), перед палатой Брюссельского апелляционного суда, заседающей в обычном месте проведения слушаний: Зал Дворца юстиции по адресу: place Poelaert 1, 1000 Bruxelles (Брюссель), где они смогут зарегистрировать свое заявление о явке в суд в соответствии со статьей 1061 Судебного кодекса.

3. Апелляционное определение

Решение по существу спора, вынесенное 4ой франкоязычной палатой Брюссельского суда первой инстанции по гражданским делам 20 декабря 2019 г. по делу, внесенному в общий список под номером 18/1312/A.

4. Факты и предыстория судебного процесса

4.1. Представление сторон и предпосылки апелляции

1. Анатолий Стати и Габриэль Стати, первые два ответчика, являются «предпринимателями», граждане Молдовы и Румынии. Вместе они владеют акциями ряда компаний («**группа Stati**»), чей пакет акций и контроль можно обобщить следующим образом:

- Анатолий Стати владеет всеми акциями компании Ascom (третий ответчик), акционерного общества с ограниченной ответственностью в соответствии с законодательством Молдовы;
- Анатолий Стати и Габриэль Стати вместе владеют компанией Terra Raf (четвертый ответчик), зарегистрированной в соответствии с законодательством Гибралтара;
- Анатолий Стати и Габриэль Стати приобрели в период между 1999 и 2005 гг. все акции двух компаний, зарегистрированных в соответствии с казахстанским законодательством, Kazpolmunay LLP (далее «**KPM**») иTolkynneftegaz (далее «**TNG**»). Этим двум компаниям было выдано разрешение Республикой Казахстан на разведку и разработку различных месторождений нефти и газа в стране в соответствии с различными контрактами на землепользование;
- Анатолий Стати также является владельцем всех акций компании Tristan Oil Ltd (далее «**Tristan**»), инвестиционным предприятием по секьюритизации, созданным на Британских Виргинских островах с единственной целью финансирования деятельности компаний KPM и TNG.

2. В начале 2006 г. компания TNG совместно с нефтяной компанией Vitol FSU B.V. (далее «Vitol»), зарегистрированной в Нидерландах, начала строительство электростанции на сжиженном нефтяном газе в городе Опорная в Казахстане (далее «**Электростанция СНГ**»).

3. В конце 2008 г. власти Казахстана выявили несколько нарушений налогового законодательства при совершении операций, проводимых компаниями KPM и TNG. Другие проверки, проведенные в июне и июле 2010 г., также показали, что две вышеупомянутые компании были виновны в значительном количестве нарушений различных природоохранных норм.

4. В результате данных нарушений Министерство нефти и газа Республики Казахстан 21 июля 2010 г. расторгло контракты на землепользование, которые были заключены с компаниями KPM и TNG.

4.2. Арбитражный процесс

5. 26 июля 2010 г. стороны-ответчики возбудили арбитражный процесс в Арбитражном институте Стокгольмской торговой палаты (далее «**СТП**») на основании статьи 26 Договора к Энергетической Хартии (далее «**ДЭХ**»). Это положение предусматривает детальную систему урегулирования споров между «инвестором» государства-участника (в данном случае ответчиков) и другим государством-участником ДЭХ (в данном случае заявителем) относительно «инвестиции», осуществляемой на территории государства-участника.

Ответчики требовали компенсации за их «ущерб», состоящий, в частности, из значительной суммы, предположительно вложенной в разработку нефтяных и газовых месторождений в Казахстане.

6. На основании арбитражного решения (далее «**Решение**») от 19 декабря 2013 г. Арбитражный суд обязал заявителя выплатить сторонам-ответчикам сумму в размере 497 685 101 долл. США, включая дополнительные расходы и проценты, в качестве убытков за потери, понесенные в рамках их «инвестиций» в Казахстане.

4.3. Процесс отмены решения в Швеции

7. 19 марта 2014 г. заявитель подал иск об отмене Решения Суда округа Свеа, основываясь, в частности, на (i) неправильной конституции Арбитражного суда и (ii) несоблюдении срока ожидания в три месяца («период остывания», т. е. время на размышления), налагаемого в качестве условия срока действия согласия на арбитраж согласно статье 26 ДЭХ.

8. Летом 2015 г. заявитель обнаружил первые элементы, относящиеся к мошенничеству, организованному сторонами-ответчиками после подготовки различных документов в рамках арбитражного процесса относительно Электростанции СНГ и противостоящей сторонам-ответчикам компании Vitol (далее «**Арбитраж Vitol против Stati**»). По запросу заявителя Нью-йоркский суд¹ обязал ответчиков предоставить материалы, относящиеся к этому параллельному арбитражу. Эти материалы показали, что затраты на строительство Электростанции СНГ были искусственно завышены сторонами-ответчиками через компанию Perkwood, которую контролировала группа Stati, несмотря на ее утверждения об обратном.

9. Ввиду этих открытий заявитель подал 5 октября 2015 г. второй вызов в суд, чтобы отменить Решение, и в качестве дополнительной причины сослался на тот факт, что Решение было получено мошенническим путем.

10. Решением от 9 декабря 2016 г. Суд округа Свеа отклонил иск заявителя о признании решения недействительным, применив очень ограничительное толкование оснований для отмены, характерное для шведского законодательства, и не рассматривая дело по существу мошенничества.

11. 3 февраля 2017 г. заявитель подал «исключительную внеочередную апелляцию»² в Верховный суд Швеции, утверждая, что Суд округа Свеа допустил серьезную процессуальную ошибку, поскольку он не принял решения по нескольким жалобам, поданным апеллирующей стороной.

¹ А именно «Окружной суд США по южному округу Нью-Йорка» (“*United States District Court for the Southern District of New York*”).

² Обычное средство правовой защиты было отклонено Судом округа Свеа.

24 октября 2017 г. Верховный суд Швеции отклонил эту исключительную жалобу без объяснения причин.

На момент вынесения решений судами Швеции ответчики все еще скрывали от них переписку с KPMG и другие элементы мошенничества, полученные в течение 2019 года и описанные в этом заявлении.

4.4. Процессы экзекуторы

12. На основании Решения стороны-ответчики провели несколько процедур экзекуторы, в том числе те, которые кратко описаны ниже.

4.4.1. Процесс в Великобритании

13. 24 февраля 2014 г. ответчики обратились с ходатайством об экзекуторе Решения в Высокий суд Лондона, Великобритания. 7 апреля 2015 г. заявитель подал ходатайство об отмене постановления, разрешающего исполнение Решения. После обнаружения первых элементов мошенничества в течение 2015 года он завершил свою процедуру отмены, чтобы включить отказ от экзекуторов на основании нарушения общественного порядка, в частности, в отношении мошенничества, совершенного сторонами-ответчиками.

14. Решением от 6 июня 2017 г. Верховный суд Лондона постановил, что существовало *«достаточно доказательств того, что Решение было получено мошенническим путем»*, и запустил полное судебное разбирательство по существу дела о мошенничестве, которое должно было состояться в ноябре 2018 г.

15. В рамках данного судебного разбирательства стороны были вынуждены подчиниться обязательной процедуре передачи документов (*«процедура раскрытия»*). Эти документы выявили целый ряд других элементов, касающихся мошенничества и обмана группы Stati (см. ниже).

16. 26 февраля 2018 г. в середине *«процедуры раскрытия»* стороны-ответчики предоставили *«уведомление о прекращении»* процедуры английскими экзекуторами. Постановлением от 21 мая 2018 г. Высокий суд установил, что основания, выдвинутые для обоснования этого запроса о прекращении, не были достаточно надежными, и постановил, что судебное разбирательство по делу о мошенничестве должно состояться в ноябре 2018 г., как и планировалось.

17. Стороны-ответчики обжаловали это постановление, чтобы избежать судебного разбирательства по делу о мошенничестве.

Решением от 10 августа 2018 г. Апелляционный суд Англии разрешил сторонам-ответчикам прекратить процедуру экзекуторов при условии, что они окончательно

откажутся от продолжения исполнения Решения в Соединенном Королевстве Кроме того, Суд заявил, что заявителю было разрешено использовать документы, которые были подготовлены в рамках «процедуры раскрытия» в ходе судебного разбирательства за рубежом.

4.4.2 Процесс в Бельгии

18. По одностороннему запросу от 13 ноября 2017 г. ответчики обратились во франкоязычный Суд Брюсселя первой инстанции с просьбой приложить исполнительную надпись к Решению. Постановлением от 11 декабря 2017 г. (далее «**Постановление об экзекуторе**») суд объявил ходатайство ответчиков приемлемым и обоснованным, подчеркнув, что его решение основывалось на ситуации, которая была ему известна в то время.

19. Заявитель выдвинул третье возражение против этого постановления, сославшись на три основания в обоснование своей просьбы об отмене постановления: (i) юрисдикция суда первой инстанции с учетом необходимого применения старых положений части шестой Судебного кодекса; (ii) получение Решения за счет мошеннических действий и (iii) наличие серьезных процессуальных нарушений, отклоняющихся от арбитражного процесса.

20. В ходе разбирательства в Суде первой инстанции заявитель, проанализировав документы, полученные в ходе судебной процедуры в Англии, и проведя дополнительные расследования, обнаружил некоторые новые элементы, касающиеся мошенничества, совершенного ответчиками.

Также, по просьбе заявителя суд Соединенных Штатов распорядился дать показания под присягой бывшего главного финансового директора группы Stati г-на Лунгу (Lungu). Последний подтвердил в своих показаниях, что в арбитражном процессе ответчики предоставили ложную финансовую информацию, обманув своих собственных внешних аудиторов, аудиторскую компанию KPMG.

21. Заявитель довел эту информацию до сведения компании KPMG, которая заявила, что проведет проверку документов.

В письме от 21 августа 2019 г., адресованном заявителю, компания KPMG заявила, что после «*тщательного и независимого рассмотрения*» она приняла решение о признании недействительными всех финансовых отчетов, составленных для группы компаний Stati. Компания KPMG также подчеркнула, что «*ни в коем случае нельзя доверять отчетам, опубликованным KPMG*».

22. Кроме того, в конце лета 2019 г. стало очевидно, что ответчики скрыли целый ряд других писем, которыми обменивались с аудиторами KPMG. Ответчики отказались предоставить эту переписку, но заявитель получил в конце октября 2019 г. судебное производство с указанной перепиской, в которой содержатся

письма, которыми обменивались стороны-ответчики и компания KPMG в 2016 и 2019 гг. (далее «**Переписка KPMG**»).

Эта переписка раскрывает целый ряд элементов, касающихся мошенничества, совершенного ответчиками, включая (i) обман аудиторов KPMG, прямо подтвержденный последними в письме, адресованном ответчикам 21 августа 2019 г., в котором на этом основании, в частности, обосновывается признание недействительными всех аудиторских отчетов, (ii) незаконное присвоение средств от «инвестиций», сделанных ответчиками, за которые они требовали и получили существенную компенсацию, и (iii) мошеннические действия ответчиков по сокрытию важной информации от судов (см. ниже).

23. Хотя эта переписка с компанией KPMG, которая включает решение KPMG от 21 августа 2019 г. о признании отчетов недействительными, является важным событием в деле, судья первой инстанции не вынес решения по этому важному аспекту спора. Это связано с процедурными маневрами, развернутыми ответчиками.

Переписка KPMG была обнаружена и получена после подачи 9 августа 2019 г. последних представлений апеллирующей стороны в суд первой инстанции (решение компании KPMG о признании отчетов недействительными было от 21 августа 2019 г., но заявитель получил материалы дела с перепиской KPMG только 25 октября 2019 г.).

В нескольких письмах, адресованных франкоязычному Суду первой инстанции в Брюсселе, стороны-ответчики решительно выступали против включения переписки KPMG в материалы дела, запрошенного заявителем.

Ответчики поддержали отказ представить материалы перед судьей в первый день слушания.. На второй день слушания, по окончании времени, выделенного заявителю на устное обращение, стороны-ответчики «внезапно» передумали и разрешили передачу переписки KPMG. Следствием этого маневра является то, что документы были сданы на хранение только на третий день, после окончания устных аргументаций.

24. В обжалованном решении, вынесенном 20 декабря 2019 г., франкоязычный Суд первой инстанции Брюсселя объявил иск третьего лица приемлемым, но необоснованным. Суд не вынес решения по переписке KPMG, которая даже не упоминалась в решении суда.

Возражения, поданные против этого решения, изложены ниже.

25. После слушания в суде первой инстанции, Брюссельский апелляционный суд вынес решение о приемлемости переписки KPMG в процедуре предварительного присоединения, проводимой ответчиками. В постановлении от 3 декабря 2019 г., вынесенном на основании статьи 748 §2 Судебного кодекса, Брюссельский апелляционный суд постановил, что письма, которыми компания KPMG аннулирует аудиторские отчеты, поскольку они касаются Заявления о мошенничестве, совершенном

ответчиками, а также являются «новыми» и «уместными» в том смысле, что они относятся к «качеству правового титула», а именно к действительности арбитражного решения.

4.4.3 Процесс в Люксембурге

26. Постановлением от 30 августа 2017 г. окружной суд Люксембурга признал арбитражное решение подлежащим исполнению на территории Люксембурга.

27. 2 ноября 2017 г. заявитель обжаловал это постановление об экзекуторе. Решением Апелляционного суда ВГ Люксембурга от 19 декабря 2019 года эта жалоба была объявлена приемлемой, но не обоснованной.

Как и в Бельгии, стороны-ответчики своими маневрами избежали решения Апелляционного суда ВГ Люксембурга касательно переписки KPMG.

28. После этого решения от 19 декабря 2019 г. решением от 28 января 2020 г. Апелляционный суд ВГ Люксембурга постановил по существу в уголовном разделе разбирательства в ВГ Люксембурге, что были использованы фальшивые документы ВГ Люксембурга, а именно финансовая отчетность, признанная недействительной аудиторской компанией KPMG, а также, что это оправдывает международную юрисдикцию судов Люксембурга по криминализации действий, совершенных ответчиками.

5. Заявление о возражениях

5.1. 1^е основание: первый судья нарушил нормы юрисдикции, наложенные шестой частью Судебного кодекса, действовавшие до его изменения законом от 24 июня 2013 г.

29. Апелляционное обоснование, согласно которому *«справедливо (...), что постановление от 11 декабря 2017 г. было принято франкоязычным судом первой инстанции в Брюсселе, который применял статьи 1680, §6, 1719–1721 Судебного кодекса»* и, следовательно, что первое основание для отмены решения в пользу заявителя точки зрения выводов является *«необоснованным»*.

При этом, поскольку судья отказывается применять правила части шестой Судебного кодекса, так как они действовали до их изменения законом от 24 июня 2013 г., судья первой инстанции нарушает переходный режим, предусмотренный законодательством, и, следовательно, игнорировал правило юрисдикции, наложенное параграфами 1 и 2 статьи 1719 Судебного кодекса, в его предыдущей редакции.

**5.1.1. Постановление об экзекуторе было вынесено судом без вне
надлежащей юрисдикции с учетом правовых норм,
применимых к данному разбирательству**

**5.1.1.1. Рассматриваемое разбирательство регулируется старыми положениями
части шестой Судебного кодекса.**

30. Учитывая дату, когда спорная арбитражная процедура была инициирована ответчиками, весь процесс экзекуторы регулируется исключительно положениями части шестой Судебного кодекса в их предыдущей редакции, то есть до их изменения по закону от 24 июня 2013 г.

Это следует как из уточнения касательно сферы применения переходного режима, установленного законодательством, так и из (А) большинства доктринальных мнений, высказанных по этому вопросу, а также (Б) мнения Первого генерального адвоката в Кассационном суде А. Хенкеса (A. Henkes).

А. Уточнение касательно сферы применения переходного режима

31. Статья 59 закона от 24 июня 2013 г.³ отступает от правила принципа, закрепленного в статье 3 Судебного кодекса, навязывая переходный режим, который можно кратко изложить следующим образом: Часть шестая Судебного кодекса в его предыдущей редакции остается полностью применимой к арбитражному процессу (и вытекающим из него судебным искам), который начался до 1 сентября 2013 г., в то время как новый режим Судебного кодекса применяется к арбитражным разбирательствам (и, следовательно, к судебным процессам), которые были начаты после этой даты.

32. Вопрос о том, когда должен начаться арбитражный процесс, находит четкий ответ в статье 34 закона от 24 июня 2013 г., на которую ссылается вышеупомянутая статья 59: «если стороны не договорились об ином, арбитражный процесс начинается в день получения ответчиком запроса на арбитраж в соответствии со статьей 1678, §1, а)».

33. Эти два положения не вводят различий в зависимости от того, находится ли арбитражное разбирательство в Бельгии или за границей. Тезис, разработанный в этом отношении сторонами-ответчиками⁴, базирующийся на основе ссылок на каскадные положения и искусственные различия, не может поставить под сомнение фундаментальный вывод:

³ Согласно этому положению:

«Данный закон применяется к арбитражам, которые, в соответствии со статьей 34, начинаются после даты вступления в силу настоящего Закона.

Часть шестая Судебного кодекса, как она была принята до вступления в силу этого закона, остается применимой к арбитражам, которые начались до даты вступления в силу данного закона.

Этот закон применяется к действиям, которые выносятся судьей, если они касаются арбитража, упомянутого в пункте 1. Часть шестая Судебного кодекса, как она была принята до вступления в силу этого закона, остается применимой к действиям, ожидающим или переданным судье в отношении арбитража, упомянутого в пункте 2».

⁴Которые основаны по существу на ошибочном утверждении, что статья 59 закона от 24 июня 2013 года касается только судебных процедур, касающихся бельгийских решений, так что процедура исполнения судебного решения, вынесенного в другом государстве, не будет охватываться переходным положением и, следовательно, должны подпадать под действие новых положений части шестой Судебного кодекса.

законодатель, руководствуясь, в частности, различными иностранными законодательствами и типовым законом о международном коммерческом арбитраже ЮНСИТРАЛ, не выразил желания ограничить сферу применения переходного периода закона от 24 июня 2013 года в отношении «бельгийских решений». Если бы законодатель, в нарушение принципа, направленного на избежание таких различий в зависимости от места арбитража, имел такое намерением, то он не отказался бы прямо заявить об этом, в частности, учитывая трудности, которые могут возникнуть в результате применения различных правовых режимов, а также рисков, возникающих в отношении правовой определенности, о которой законодатель был хорошо осведомлен⁵.

34. В остальном следует также отметить, что положения процессуального закона от 25 декабря 2016 г. не вносят никаких изменений по этому вопросу и, прежде всего, не ставят под сомнение отсутствие различий в отношении применимого права в соответствии с местом арбитража. Применимая доктрина ясно указывает на это⁶.

35. В настоящем деле не оспаривается, что рассматриваемое разбирательство началось задолго до 1 сентября 2013 года: стороны-ответчики подали запрос об арбитраже в Арбитражный институт Стокгольмского арбитража 26 июля 2010 года. Следовательно, оно должно применяться к положениям части шестой Судебного кодекса в их предыдущей редакции.

В. Подтверждение преобладающей доктриной и Первым Генеральным Адвокатом А. Хенкесом

36. Данное толкование является единственным юридически значимым и подтверждается преобладающей доктриной.

37. Помимо поддержки рядом авторов, которые провели тщательный анализ изменений, внесенных законом от 24 июня 2013 года⁷,

⁵Таким образом, в подготовительных действиях мы читаем, что «Из соображений правовой определенности нежелательно, чтобы одна и та же арбитражная процедура подчинялась двум отдельным категориям правил в отношении процессуального права арбитража. Также необходимо избегать искажения правил арбитража арбитражных учреждений, установленных в соответствии с действующим процессуальным правом арбитража, поскольку правила, определяющие арбитражные процедуры, часто применяются к текущим арбитражным разбирательствам. Именно по этой причине переходный закон в том виде, в котором он был предложен, не соответствует норме, закрепленной в статье 3 Судебного кодекса». См. Законопроект о внесении изменений в шестую часть Судебного кодекса в отношении арбитража, *док. Парламентский*, гл. реп., сесс. 2012-2013, док. № 2743/001, с. 45.

⁶В комментариях к закону восстановительного правосудия от 25 декабря 2016 года мы найдем новое подтверждение того, что законодатель никогда не намеревался делать различие в части применения во времени закона 2013 года в соответствии с юрисдикцией вынесения решения. См. в частности, О. КАПРАСС «Арбитражное право после закона 'Попурри IV'», в *Альтернативные методы разрешения конфликтов. Реформы и новости*, CUP, Anthemis, 2017, с. 120; М. ДАЛ «Некоторые разъяснения к арбитражному праву», *J.T.*, 2017, с. 642; Х. ВЭРБИСТ, «*Поправка к Закону об арбитраже Бельгии Законом от 25 декабря 2016 года*», *b-Arbitra*, 2016, с. 264.264.

⁷О. КАПРАСС, «Введение в новый бельгийский арбитражный закон», *Новости судебного права*, Брюссель, Larcier, 2013, с. 426; М. ДАЛ «Новый закон об арбитраже», *J.T.*, 2013, с. 794; Д. МАТРЕЙ и Г. МАТРЕЙ, «Исполнение в Бельгии иностранных арбитражных решений, отмененных в их стране происхождения», в *Liber amicorum Франсуа Глансдорф и Пьер Легро*, Брюссель, Бруйлант, 2013, стр. 651-653; Д. ФИЛИПП, «Изменение бельгийского закона об арбитраже», *Д.А.О.Р.*, 2014, с. 20, № 33.

необходимо отметить, что тезис истца одобрен г-ном Первым Генеральным адвокатом Кассационного суда А. Хенкесом в заключениях, поданных 7 сентября 2017 года⁸.

38. Используемые термины понятны и истец считает полезным воспроизвести их частично:

«22. (...) арбитражные разбирательства, начатые до даты вступления в силу закона [от 24 июня 2013 года], регулируются положениями шестой части Судебного кодекса, как это было указано до вступления в силу закона. То же самое относится к делам, ожидающим рассмотрения либо переданным судье в отношении такого арбитража.

23. Арбитражные разбирательства, которые начались до даты вступления в силу закона (...), не зависят от определения материальной сферы применения нового закона, которая касается только арбитражных разбирательств, которые начались после вступления в силу (...) указанного закона. Утверждение об обратном, то есть определение всех арбитражей, упомянутых в статье 59 со ссылкой на пункт 1 последнего, равнозначно исключению из сферы применения части шестой Судебного кодекса арбитражных разбирательств, начатых до вступления в силу закона, который по определению никогда не применяется в отношении первого абзаца [этой] статьи 59!

(...)

28. (...) Пункт 8 статьи 1676 Судебного кодекса предусматривает, что «(...) положения статей 1682, 1683, 1696–1698, 1708 и 1719–1722 применяются независимо от места арбитража и несмотря на любую противоположную оговорку в договоре».

Статьи 1719-1722 касаются признания и исполнения бельгийских и иностранных арбитражных решений.

Следует признать, что ни пункт 1 статьи 1678 (уведомление об арбитраже), ни статья 1702 (дата начала процедуры) не включены в список, содержащийся в пункте 8 статьи 1676, который упоминался выше. Однако из этого не обязательно следует, что эти статьи, ipso facto относятся только к арбитражам, чей головной офис находится в Бельгии.

(...)

29. (...) из текста статьи 59 закона от 24 июня 2013 года не следует, что применение переходного положения, которое он устанавливает, будет ограничено только арбитражами, находящимися в Бельгии, за исключением иностранных арбитражей.

30. Кроме того, по большей части тезис [основанный на утверждении, что статья 59 закона от 24 июня 2013 года касается исключительно арбитражей со штаб-квартирой в Бельгии], также противоречит явной воле законодателя о распространении правил исполнения судебного решения, вынесенного в другом государстве, на решения бельгийских и иностранных арбитражей.

(...)

31. (...) априори не следует из подготовительных действий по принятию статьи 59 закона от 24 июня 2013 года, согласно которой после этого применяется переходный режим, устанавливающий ограничение только арбитражами, чье местонахождение находится в Бельгии, за исключением находящихся за границей ».

⁸Истец напоминает, по мере необходимости, что указанные выводы были сделаны в контексте спора, схожего с рассматриваемым, в отношении вопроса о приемлемости апелляции на решение суда первой инстанции Брюссельского суда по франкоязычным делам в отношении третьей стороны, решение было вынесено против постановления об исполнении арбитражного решения, вынесенного в 2004 году. Неверно основываясь на новых положениях части шестой Судебного кодекса, аналогично текущим действиям сторон-ответчиков, несмотря на то, что оспариваемое арбитражное разбирательство было начато до 1 сентября 2013 года, истец в рассматриваемом деле обжаловал решение в кассационном порядке в отношении вышеупомянутого решения. В конечном итоге истец отозвал свою апелляцию до вынесения решения, что, однако, не помешало публикации выводов, на которые ссылается истец.

Основываясь на этих принципах, Первый генеральный адвокат Кассационного суда А. Хенкес пришел к выводу, что, согласно имеющимся в материалах дела документам, которые были переданы в Верховный суд, арбитражный процесс, проходивший за границей, начался до 1 сентября 2013 года, последующее судебное разбирательство *«остается в силе, независимо от того, когда оно было предъявлено судье и регулируется частью шестой Судебного кодекса в прежней редакции»*.

39. Аналогичный вывод следует и в данном случае.

5.1.1.2. Брюссельский франкофонный суд первой инстанции не был уполномочен выносить определение об исполнении судебного решения, вынесенного в другом государстве

40. В соответствии с пунктом 1 статьи 1719 Судебного кодекса, в редакции, действовавшей до его изменения законом от 24 июня 2013 года, которая должна применяться к настоящему делу, «президент суда первой инстанции, рассматривая ходатайство, принимает решение о требовании по исполнению арбитражных решений, вынесенных за границей, на основании арбитражного соглашения».

41. Данная компетенция является исключительной и относится к общественной практике.

42. В настоящем деле стороны-ответчики ошибочно основывались в своем одностороннем иске на новую редакцию пункта 2 статье 1720 Судебного кодекса и ошибочно представили его во франкофонный суд первой инстанции в Брюсселе.

43. Данная ошибка не была исправлена в ходе разбирательства, несмотря на усердие истца. Следовательно, определение об исполнении судебного решения, вынесенного в другом государстве, было вынесено франкофонным судом первой инстанции Брюсселя на основании «пункта 6 статьи 1680 и статей 1719–1721 Судебного кодекса».⁹

44. Из вышеизложенного следует, что определение об исполнении судебного решения, вынесенного в другом государстве, было вынесено некомпетентным судом.

45. В соответствии с инверсией судебного разбирательства, которая предполагает судебное разбирательство по поводу оспаривания определения суда об исполнении судебного решения, вынесенного в другом государстве, вынесенного по одностороннему запросу, данное отсутствие подсудности в результате нарушения нормы права, касающейся общественного порядка, может быть оспорено третьей стороной без обоснования ¹⁰путем обращения в районный суд¹¹. Что предполагает отмену вышеуказанного определения.

⁹Важно отметить, что данные положения содержатся в Судебном кодексе в редакции, внесенной законом от 24 июня 2013 года, и не имеют эквивалента в старой редакции.

¹⁰См. также Н. БУЛАРБА Односторонний иск и инверсия судебного процесса, Брюссель, Ларсье, 2010, стр. 760 и 761, § 1094, который подчеркивает: «В соответствии с обязательством, согласно пункту 1 статьи 1125 Судебного кодекса, апеллировать к судье, который вынес спорное решение, может ли третья сторона, тем не менее, оспорить компетенцию суда с тем, чтобы ознакомиться с изначальным иском? Как и в случае с возражением, ответ на это вопрос является положительным».

¹¹См. Н. БУЛАРБА Односторонний иск и инверсия судебного процесса, Брюссель, Ларсье, 2010, стр. 76 и 762, который пишет в этом отношении: «Возможное обращение в районный суд не совпадает со скоростью»

5.1.2. Решение судьи первой инстанции является необоснованным

46. После напоминания о содержащей оговорку сфере действия статьи 59 закона от 24 июня 2013 года по сравнению со статьей 3 Судебного кодекса указано, что в этом деле «Стокгольмский арбитраж направил запрос об арбитраже [истцу] письмом от 5 августа 2010 г., полученным 11 августа 2010 г.», в решении которого апелляция основывается на анализе проблемы в рамках пунктов 7 и 8 статьи 1676 Судебного кодекса.

Таким образом он считает:

«Пункты 7 и 8 статьи 1676 (...) предусматривают (...), что, за исключением статей 1682, 1683, 1696–1698, 1708 и 1719–1722, бельгийское судебное право в вопросах арбитража распространяется только на решения бельгийских судов, исключая решения иностранных судов.

Используя специальный список статей, без каких-либо оговорок или возможности дополнить указанный список, пункт 8 статьи 1676 не может быть истолкован как подразумевающий возможность применения других положений части шестой Судебного кодекса применительно к зарубежным арбитражным разбирательствам. (...)

Ни статья 1678, которая устанавливает способ взаимодействия между заинтересованными лицами в вопросах арбитража, ни статья 1702, которая определяет начало арбитражного разбирательства, не являются частью положений, предусмотренных пунктом 8 статьи 1676, применимых к иностранному арбитражному разбирательству.

(...) Как правило, законодатель Бельгии не вправе определять порядок арбитражного процесса, применимый к зарубежному арбитражу. (...)

Также было бы неуместно принимать во внимание дату начала зарубежного арбитражного процесса, который не регулируется бельгийским законодательством, чтобы определить, какая редакция последнего применима в случае исполнения решения».

Аналогичным образом, апелляционное определение, ссылаясь на законодательное соотношение статьи 59 закона от 24 июня 2013 года «поскольку процедура иностранного арбитража никогда не подпадает под действие бельгийского законодательства, кроме как в рамках исполнения решения, не существует риска, что одна и та же арбитражная процедура будет подчиняться двум отдельным категориям правил в соответствии с бельгийским законодательством».

Исходя из этого, был сделан вывод о том, что «как ясность текстов, так и отношение законодательства переходного периода позволяют определить Судебный кодекс с поправками, внесенными законом от 24 июня 2013 года, в качестве варианта, применимого в настоящем деле», так что основание отмены решения, на которое ссылается истец, является «необоснованным».

необходимой для рассмотрения возражения третьего лица против решения по одностороннему иску». Такое решение препятствует тому, чтобы судья, рассматривающий апелляцию, немедленно обнаружил неподсудность и по этой причине отказался от принятого решения (...) Между тем принятое решение, сопровождаемое немедленным исполнением, будет по-прежнему иметь последствия в ущерб третьим лицам (...) судья, рассматривающий апелляцию, во всех случаях может выносить решение непосредственно в отказе от подсудности и, если он считает себя некомпетентным, отозвать решение на этом основании»

47. Исходя из этих соображений, судья первой инстанции не принял во внимание сферу действия пунктов 7 и 8 статьи 1676 Судебного кодекса, дав им слишком ограничительное толкование.

Одобрив различие в отношении применимого права между арбитражами, местонахождение которых находится в Бельгии, и арбитражами, местонахождение которых находится за границей, он, кроме того, игнорирует, прежде всего, статьи 59 и 34 закона от 24 июня 2013 года, поскольку они должны быть истолкованы, в частности, в отношении намерения, четко выраженного законодателем, которое недавно было обобщено г-ном Первым Генеральным адвокатом Кассационного суда А. Хенкесом.

Поскольку он утверждает, что арбитражное разбирательство по этому делу началось до 1 сентября 2013 года и с учетом отсутствия различий, созданных законодателем в отношении применимого права в зависимости от места арбитража, судья должен был выяснить, что правила части шестой Судебного кодекса должны применяться в их старой редакции.

Его решение по этому вопросу должно быть изменено.

5.1.3. Данная апелляция подсудна

48. Поскольку рассматриваемая процедура подпадает под действие положений части шестой Судебного кодекса в их старой редакции, нет необходимости применять новую редакцию статьи 1720 Судебного кодекса.

49. Следовательно, франкофонный суд первой инстанции Брюсселя в своем решении по апелляции не вынес решения в первой и последней инстанции.

50. В соответствии с общими правилами, перечисленными в статьях 1050 и последующих статьях Судебного кодекса и в статье 1131 Кодекса, решение от 20 декабря 2019 года может быть обжаловано в апелляционном порядке.

51. Данная апелляция, следовательно, является подсудной.

5.2 2-е заявление: первый судья ошибочно признал определенный авторитет *res judicata* в решениях Швеции

5.2.1. Шведские решения не имеют никакой силы в Бельгии

52. Каждое государство должно суверенно определять условия, на которых оно соглашается предоставить право исполнения судебного решения, вынесенного в другом государстве, в отношении арбитражного решения.

В частности, в соответствии с системой, которая превалирует в международном праве (Нью-Йоркская конвенция 1958 года), национальные суды каждого государства, в которых испрашивается признание и приведение в исполнение иностранного арбитражного решения,

должны самостоятельно и независимо от позиции, занимаемой национальными судами другого государства, изучать основания для отказа в исполнение судебного решения, вынесенного в другом государстве, которые могут существовать и / или которые направляются им на рассмотрение.

53. Поскольку в контексте запроса об исполнении иностранного арбитражного решения речь идет о том, какое влияние окажет это решение на бельгийскую территорию, бельгийский судья должен полностью осуществлять собственный контроль над арбитражным решением в соответствии с правилами, действующими в Бельгии.

54. В этом контексте бельгийский судья вряд ли связан решениями, принятыми иностранными судами: принято, что иностранные судебные решения, которые определяют правомерность международного арбитражного решения в их соответствующих правовых системах, будь то в рамках процедуры исполнения судебного решения, вынесенного в другом государстве, или отмены, должны обязательно иметь территориальный охват.

55. Из вышесказанного обязательно следует, что бельгийские суды никоим образом не связаны шведскими решениями, в частности, решением, вынесенным 9 декабря 2016 года Апелляционным судом Швеции, отклонившим ходатайство об отмене арбитражного решения.

5.2.2. Решение судьи первой инстанции является необоснованным

56. Принимая решение о полномочиях *res judicata* решения Апелляционного суда Швеции от 9 декабря 2016 г., первый судья в первую очередь решает, что в данном случае применяются «дополнительные правила, предусмотренные Кодексом международного частного права».

После краткого изучения сферы действия статей 22, 25 и 26 Кодекса, судья первой инстанции решил:

«Суду предстоит рассмотреть, в какой степени суд Свеа уже вынес решение по любому из заявлений, выдвинутых [истцом] перед этим судом.

*Если это так, судья, выносящий решение об исполнении судебного решения, вынесенного в другом государстве, должен будет изучить вопрос о том, не несет ли авторитет *res judicata* по иностранному решению последствия, несовместимые с международным публичным порядком Бельгии, запрещенный частью 1 ° пункта 1 статьи 25 и абз. 2 пункта 1 статьи 26 Кодексом международного частного права или нарушение прав на защиту, запрещенное частями 1, 2 ° пункта 1 статьи 25 Кодекса.*

В противном случае судья, выносящий решение об исполнении судебного решения, вынесенного в другом государстве, может непосредственно осуществлять свои полномочия по рассмотрению последствий арбитражного решения, как это определено в пункте 1 статьи 1721 Судебного кодекса».

57. В связи с тем, что он намеревается применять Кодекс международного частного права и предлагает, чтобы бельгийский судья, прежде чем принимать решение по вопросу о влиянии на бельгийский правовой порядок иностранного арбитражного решения, принял решение об учете решения, ранее принятого иностранными

юрисдикциями, апелляция на которое не учитывала основополагающий принцип автономного характера процедуры исполнения судебного решения, вынесенного в другом государстве.

5.2.3. При любых обстоятельствах: отсутствие полномочий по решениям, связанным с мошенничеством

58. В любом случае следует отметить, что судья первой инстанции признал, что Апелляционный суд Швеции фактически не вынес решения по поводу мошенничества, заявленного истцом, так что это решение будет де-факто независимым от того какой объем будет дан иностранным решениям в рамках процедуры исполнения судебного решения, вынесенного в другом государстве, при отсутствии юридической власти над бельгийскими судами.

Таким образом, судья первой инстанции подчеркнул:

«(...) Как справедливо отметил Высокий суд Лондона в своем решении от 6 июня 2017 года (...), Апелляционный суд Швеции не вынес решения о существовании мошенничества с использованием финансовых отчетов.

(...)

Таким образом, установлено, что решение Швеции ни разу не решило вопрос о мошенничестве, предположительно совершенном [ответчиками].

Тот факт, что [истец] представил в суд эти те же фактические материалы, что и те, которые были представлены в Апелляционный суд Швеции (...), и ту же квалификацию этих материалов, что и в мошеннических схемах, не является достаточным для заключения о том, что орган власти res judicata, не придерживается позиции суда относительно достоверности этих фактических материалов и их правильной юридической квалификации.

Другими словами, если проблема мошенничества действительно была передана на рассмотрение в шведские суды, факт остается фактом: последние не решили ее ».

64. Аналогичным образом, новые материалы, обнаруженные с момента вынесения решения Апелляционного суда Швеции, в частности через переписку КПМГ, по сути, никогда не были представлены шведским судьям. Решения, принятые последними, не имеют легитимности в этом вопросе.

В действительности, каждой юрисдикции, на основании документов и вынесенных на общественное обсуждение данных, надлежит пояснить причины отказа в выдаче представленной на рассмотрение экзекватуры.

6. Третий довод: судья первой инстанции посчитал, что мошенничество, совершённое ответчиками, не влияет на совокупность процедур арбитражного разбирательства

6.1.1. Суд первой инстанции не выносил решения о существовании самого факта мошенничества

6.1.1.1. **Необходимость бельгийского судьи принимать решение о признании мошенничества**

59. Необходимо помнить о том, что, несмотря на большое число разбирательств, возбужденных между сторонами, ни одна из юрисдикций как таковая – за исключением Верховного суда Лондона (см. *выше*) – не заявляла о *существовании* факта мошенничества, который вменяется ответчикам.

Данная константа также верна для Апелляционного суда Свеаланда. Как справедливо признает первый судья в решении, которое было обжаловано, *«если вопрос о мошенничестве действительно был передан в шведские суды, факт состоит только в том, что они его не решили»*.

60. Учитывая данное заявление, было бы логично ожидать, что судья первой инстанции с должной тщательностью рассмотрит данный вопрос, важность которого продолжает возрастать с поступлением новой информации от истца. Приходится признать, что это не так.

61. Обжалованное решение начинается со справедливого напоминания (см.стр.23) о том, что *«ограничительное толкование оснований для отказа в экзекватуре не препятствует эффективному мониторингу влияния, которое оказывает исполнение иностранного арбитражного решения на систему публичного международного правопорядка Бельгии»*, учитывая, что *«эффективность данного мониторинга подразумевает изучение фактов де-факто и де-юре с целью убедиться в соответствии вынесенного судьей решения с международным публичным правопорядком Бельгии»*.

Далее признаётся (см. стр. 24), что *«мошенничество является как раз одним из тех фактических элементов, существование которых судья, выдавший экзекватуру, может доказать, не поднимая вопрос о пересмотре сути судебного решения»*.

В связи с этим справедливо решается, что *«полная и безоговорочная проверка факта существования мошенничества оправдана тем более ещё и потому, что в области арбитража не существует апелляции, аналогичной гражданскому иску, которая бы разрешала отмену судебных решений, признанных окончательными (...)*»

62. Однако, после очень краткого и неполного анализа определенных конкретных обстоятельств, не связанных с фактом существования предполагаемого мошенничества, в обжалованном решении говорится о том, что истец *«не предоставляет доказательств того, что заявленное мошенничество оказало очевидное и определённое воздействие на вынесенное решение или, другими словами, что именно мошенничество является «решающей причиной»»*, и *«как следствие, (...) также не установлено, каким образом признание предполагаемых фактов мошенничества приведет к признанию или приведению в исполнение арбитражного решения, противоположному существующему международному публичному порядку Бельгии»*.

63. Данный анализ заслуживает критики.

64. Учитывая заявление о том, что необходима «полная и безоговорочная проверка» факта существования мошенничества, судья первой инстанции должен был обязательно,

на втором этапе работы, провести эту проверку прежде, чем выносить решение, проверку возможной существовании причинно-следственной связи между предполагаемым мошенничеством и арбитражной процедурой.

На самом деле физически невозможно, нелогично должным образом заявлять о причинно-следственной связи между мошенничеством и арбитражной процедурой прежде элементарного проведения исследования и соответствующего решения, вынесенного на основании анализа всех обстоятельств дела, понимания сути этого мошенничества и серьезности данных противоправных действий.

65. В связи с этим, решение судьи первой инстанции не является юридически обоснованным.

6.1.1.2. Неоспоримый факт существования мошенничества в данном деле

66. Решение судьи по этому вопросу тем более открыто для критики в связи с тем, что судья первой инстанции удовлетворил ходатайство, четко сформулированное истцом, где содержится заключение о существовании многочисленных и особенно серьезных мошеннических действий, которые вменяются ответчикам.

О ключевых элементах мошенничества кратко сказано ниже.

А. Мошенничество в сфере аудита и финансов

67. Арбитражное разбирательство было начато ответчиками с целью получения компенсации от истца, принимая во внимание предполагаемые «инвестиции», совершённые на казахской территории в период между 1999 и 2009 гг. при участии ряда компаний, которые входят в Стати Групп.

(1) Введение

68. Ответчики утверждали, что вложили крупные суммы в разработку нефтяных и газовых месторождений в Казахстане, из них 245 миллионов долларов США были инвестированы на строительство электростанции на попутном нефтяном газе.

В обоснование своих требований ответчики опирались на финансовую отчетность нескольких компаний в Стати Групп, а также на различные документы, напрямую касающиеся этой финансовой отчетности.

69. Однако на данный момент существуют доказательства того, что финансовые отчеты, представленные ответчиками, были «существенно искажены», и что KPMG, которая отвечала за их аудит, была введена в заблуждение при подготовке данных финансовых отчетов.

Таким образом, ответчики искусственным образом завысили предполагаемые «инвестиционные затраты», которые они понесли при строительстве электростанции.

(2) Подтверждение факта мошенничества бывшим финансовым директором Стати Групп

70. Мошенничество ответчиков было подтверждено г-ном Лунгу, бывшим финансовым директором Стати Групп в то время, когда он давал показания под присягой в суде Соединенных Штатов.

Из этого утверждения, в сущности, следует, что: (i) ответчики преднамеренно передавали ложную информацию KPMG с целью скрыть, что компания Perkwood, основной поставщик для строительства электростанции на попутном газе, на самом деле являлась компанией Стати Групп; (ii) консолидированная финансовая отчетность Tristan, KPM и TNG содержит значительные искажения; (iii) данная финансовая отчетность, проверенная и подтвержденная KPMG, является ложной.

(3) Подтверждение мошенничества со стороны KPMG

71. Согласно письмам от 21 августа 2019г., компания KPMG проинформировала стороны о том, что:

(i) она провела *«тщательную и независимую проверку»* дела и документов; (ii) по её мнению, была обманута ответчиками, которые скрывали важную информацию; (iii) сделки между TNG и Perkwood, совершенные в 2007, 2008 и 2009 гг., должны были быть раскрыты и включены в годовую и промежуточную финансовую отчетность Стати Групп в соответствии со стандартом аудита IAS 24, при этом отсутствие данных отчетностей представляет собой существенную ошибку; (iv) согласно решению компании необходимо признать аннулированными финансовые отчеты для компаний Stati Group; (v) *«не следует доверять опубликованным отчетам»* как таковым; (vi) компания предлагает сторонам-ответчикам *«принять все необходимые меры, чтобы предотвратить повторение ситуации для будущих аудиторских отчетов»*.

72. После оглашения данного решения ответчикам последние подвергли резкой критике процесс, который привел к отзыву аудиторских отчетов KPMG, и попытались оказать давление на KPMG с целью заставить компанию отменить свое решение.

Как следствие, в письме от 3 октября 2019г. KPMG сообщила, что «спустя более 8 недель после того, как мы попросили у вас объяснений, мы не получили никакого ответа по существу относительно тех моментов, которые были упомянуты нами в письме от 5 августа 2019 г. (на самом деле, вы даже не пытались оспаривать их). Неуместно с вашей стороны критиковать действия, предпринимаемые KPMG, когда эти действия были частично вызваны вашей неспособностью дать какой-либо ответ, как подчеркивается в нашем письме от 21 августа 2019 г., и в то же время продолжать отказываться ответить на наши вопросы (...). Ваши каждый раз разные отговорки с целью обосновать отказ ответить нам не имеют под собой оснований. Как мы уже объясняли вам, наши действия в данном вопросе полностью соответствуют нашим обязательствам в соответствии с международными стандартами аудита, Кодексом IESBA и договорными соглашениями, которые существуют между нами».

(4) Разъяснения, указанные в отчете PwC

73. С целью лучше понять значение и характер решения, принятого KPMG, истец обратился за экспертизой в компанию *PricewaterhouseCoopers* (далее «**PwC**»). В экспертном отчёте от 21 января 2020 г. PwC предоставил несколько разъяснений:

- Во-первых, PwC отмечает, что на практике признание аудиторских отчетов недействительными является чрезвычайно редкой мерой, зарезервированной для ситуаций, когда руководство компании не способно объяснить касательно ложной информации, предоставленной аудитору:

«Фактический отзыв аудиторского заключения является последним средством, к которому прибегает аудитор, и имеет место только в редких случаях, в том числе, например, когда руководство не дает объяснений ложным данным, существенным для аудитора, и/или когда руководство не дает никаких объяснений [оправдывающих наличие] значительных отклонений на счетах и в итоговой финансовой отчетности.»

С целью объяснить контекст меры, принятой KPMG, мы проконсультировались с нашей аудиторской командой в PricewaterhouseCoopers LLP. Они сообщили нам, что в Великобритании был только один случай за последние пятнадцать лет – за этот период времени PricewaterhouseCoopers LLP выпустила десятки тысяч аудиторских отчетов – когда PwC пошла на аналогичный шаг с целью ‘отозвать’ ранее выпущенные аудиторские заключения.»

- Во-вторых, PwC оценивает решение KPMG как «необычное и серьезное», учитывая, что оно лишает законной силы не только аудиторские отчеты, но и всю финансовую информацию, содержащуюся в отчетах:

«Меры, принимаемые KPMG, [...] на практике представляют собой полное “изъятие” компанией KPMG аудиторских отчетов по всей финансовой информации из финансовой отчетности. Это включает, но не ограничивается отчетом KPMG о финансовой отчетности TNG от 30 июня 2008 года, послужившего основой для расчета затрат и показателей EBITDA, которые использовались для расчета суммы финансовых вложений.»

- В-третьих, PwC считает, что требование KPMG о принятии мер для того, чтобы в будущем больше не полагаться на спорные отчеты, подразумевает, что в аудиторских отчетах содержатся существенные искажения, и что ее решение лишает финансовую информацию, содержащуюся в отчете и любых основанных на ней документах, всякой достоверности:

«Действия KPMG, а также Корреспонденция KPMG свидетельствуют о том, что компания KPMG пришла к выводу, что Финансовая отчетность и сопроводительные документы, а также файлы компании ТНГ содержат существенные искажения. Кроме того, Корреспонденция KPMG раскрывает вводящие в заблуждение заявления, предоставленные KPMG руководством Стати. Эти вводящие в заблуждение заявления свидетельствуют об отсутствии доверия к руководству и усиливают скептицизм, с которым будет/должна восприниматься предоставляемая ими информация. Одним словом, предпринятые KPMG действия и их последующие поступки полностью лишат доверия к достоверности всей финансовой информации Тристана, ТНГ и КПМ и всего остального, что вытекает или основывается на ней (включая, без ограничения, любые письменные и устные показания в ходе арбитражного разбирательства по ДЭХ, доклады экспертов и заявления консультантов, основанные на такой финансовой информации)».

74. Поэтому независимые и известные аудиторы, такие как KPMG, редко, даже в исключительных случаях, признают недействительными собственные аудиторские отчеты. Такая мера подтверждает чрезвычайно серьезный характер мошенничества, совершенного ответчиками.

В. Хищение денежных средств

75. Для финансирования своих «инвестиций» в Казахстане ответчики привлекали средства на финансовых рынках и в банках. Эти средства, как правило, предназначались для приобретения оборудования и услуг для строительства завода по производству сжиженного газа.

76. В настоящее время установлено, что ТНГ не приобретала соответствующее оборудование непосредственно у основного поставщика, немецкой компании Tractebel (далее — «TGE»). Вместо этого, с целью завышения первоначальной цены на оборудование, проданное TGE, ответчики ввели в контрактную цепочку две компании Группы Стати: Azalia и Perkwood.

77. Создание такой цепочки контрактов на закупку одного и того же оборудования позволило (i) искусственно завысить стоимость строительства завода по производству сжиженного нефтяного газа, которая была отражена в финансовой отчетности ТНГ, и (ii) направить средства от «инвестиции» за пределы Казахстана в пользу ответчиков, скрывая при этом эту мошенническую схему от всех заинтересованных сторон, KPMG, владельцев облигаций Группы Стати, банков, заявителя и Арбитражного суда.

78. В частности, схематически мошенническая схема была реализована следующим образом:

- 31 января 2006 года был подписан договор между TGE, Azalia и Ascom на продажу TGE оборудования компании Azalia стоимостью около 34 500 000 долларов США;
- Впоследствии это же оборудование было продано компанией Azalia компании Perkwood на основании договора от 11 января 2006 года на сумму 62 400 000 долларов США (согласно первому варианту договора) или 92 600 000 долларов США (согласно второму варианту договора, который, таким образом, был составлен в двух противоречащих друг другу вариантах);
- Новый договор купли-продажи того же спорного оборудования был заключен 27 марта 2006 года между Perkwood и TNG на сумму 93 000 000 долларов США.

79. Только последняя сумма была отражена как расходы на строительство и включена в финансовую отчетность TNG, подтвержденную в то время KPMG.

80. Мошенническая система, как было сказано выше, основана на центральном элементе, который тщательно скрывался ответчиками: далеко не будучи независимыми компаниями, как было сообщено KPMG на момент составления финансовой отчетности, Perkwood и Azalia, по сути, полностью контролируются Группой Стати.

Мошенничество тем более очевидно, что ответчики неоднократно ложно заявляли, в том числе в ходе производства по делу об аннулировании лицензии в Швеции и в ходе производства в Бельгии, что KPMG знала об истинном статусе Perkwood; хотя теперь из Корреспонденции KPMG следует, что KPMG совершенно не знала о том, что Perkwood является компанией Группы Стати.

81. Суммы, соответствующие фиктивной инфляции их предполагаемых инвестиций в Казахстане, были присвоены ответчиками для личной выгоды г-на Анатолия Стати и его сына. В настоящее время это хищение обнаружено благодаря обновлению финансовых потоков между компаниями Группы Стати через Rietumu Bank (см. ниже).

C. Мошенничество в связи со Сделкой Laren

82. Следует также отметить мошеннические действия, которые привели к заключению Сделки Laren — займа, предназначенного для восполнения предполагаемого дефицита ликвидности ответчиков, который был предоставлен ответчикам в июне 2009 года на якобы «ужасных» условиях.

83. Не вдаваясь в сложные детали структуры этого финансирования, следует отметить, что ответчики передали Арбитражному суду многочисленные ложные сведения по этому вопросу:

- Компания Laren, которая была учреждена в качестве «независимого механизма» в структуре соглашения, была тесно связана с Группой Стати, вопреки тому, что ответчики заявили в Арбитражном суде;
- Нехватка ликвидности у ответчиков, приведшая к заключению Сделки Laren, никоим образом не была обусловлена «действиями» заявителя, так как указанная нехватка существовала задолго до того, как ответчики решили обвинить заявителя, и что свой основной источник они получали от хищения инвестиций для личной выгоды ответчиков;
- Отказ банка (Credit Suisse) предоставить ответчикам кредит, приведший к Сделке Laren, никоим образом не был связан с какими-либо «действиями» заявителя, а основывался на том, что ставка, предложенная этим учреждением, была несоразмерной.

В настоящее время установлена реальная причина предполагаемых финансовых трудностей, приведших к Сделке Laren: она заключается в присвоении средств ответчиками для личной выгоды г-на Анатолия Стати и его сына.

D. Новые доказательства коррупции ответчиков

84. Со времени разбирательства перед первым судьей появилась важная новая информация, а именно о коррупционных действиях ответчиков.

85. В результате расследований, проведенных Прокуратурой Латвии в отношении одного из латвийских банков, а именно Rietumu Bank, были установлены особо тяжкие коррупционные деяния. Rietumu Bank, который, как известно, был вовлечен в серию скандалов и осужден за отмывание денег, использовался ответчиками для направления средств от своих предполагаемых «инвестиций» в Казахстан.

86. Эти новые документы, помимо доказательств незаконного присвоения средств в личных интересах первых двух ответчиков (см. выше), позволили, в частности, обнаружить, что:

- Первому ответчику принадлежало не менее 80 компаний, большинство из которых были оффшорными компаниями, «управляемыми» подставными лицами, для чего им была выдана генеральная доверенность, позволяющая, в частности, распоряжаться банковскими счетами, открытыми этими компаниями, более 35 из которых действовали через Rietumu Bank;
- Часть средств (полученных в результате выпуска облигаций международным кредиторам) не использовалась в пользу их предполагаемой «инвестиции» в Казахстан, а перенаправлялась в другие компании Группы Стати;
- Первые два ответчика заплатили непомерные суммы нескольким государственным чиновникам и членам их семей. Так, (i) в период с марта 2003 года по декабрь 2011 года в качестве «стипендии» дочери заместителя министра энергетики и минеральных ресурсов Казахстана Екатерине Лязатовой было выплачено 1 153 670 долларов США; (ii) в период с 2009 года по 2014 год жене и детям премьер-министра Молдовы было выплачено несколько сотен долларов США; (iii) одному высокопоставленному чиновнику в Курдистане, отвечающему за управление нефтеперерабатывающими предприятиями, была выплачена сумма в размере 1,5 млн. долларов США. Эти платежи осуществлялись через Rietumu Bank;
- Первые два ответчика тайно перенаправляли прибыль в другую компанию, находящуюся под их контролем, — компанию Hayden, что способствовало предполагаемым финансовым и экономическим проблемам операционных компаний ответчиков в Казахстане.

87. Имеющиеся на данный момент доказательства свидетельствуют о реальном намерении ответчиков касательно их предполагаемых инвестиций в Казахстане, а именно, о привлечении средств банков и финансовых рынков с целью их хищения для личной выгоды.

88. Это подтверждает и компания PwC, которая отмечает, что действия первых двух ответчиков имеют все признаки отмыwania денег:

«Тот факт, что Perkwood была «спящей» компанией, но в конечном итоге, как мы понимаем, утверждала, что получает от ТНГ более 130 млн долларов США, безусловно, вызовет тревогу как с точки зрения размера этих сделок, так и с точки зрения нелогичной структуры сделок. Аналогичным образом, тот факт, что Стати, очевидно, сделали KPMG вводящие в заблуждение заявления о статусе Perkwood как связанной стороны и не ответили на вопросы KPMG, порождает тревогу как в отношении «идентичности», так и «поведения» [два тревожных сигнала, идентифицированных PwC]. В конце концов, вопросы, поднятые KPMG относительно сделок между ТНГ и Perkwood, ставят под сомнение обоснованность этой сделки, а также вызывают ряд серьезных тревожных сигналов, связанных с отмыwанием денег».

89. Свидетельства таких хищений, коррупции и отмыwania денег не могли быть рассмотрены судьей первой инстанции.

6.1.2. Предполагаемое мошенничество ставит под сомнение законность арбитражного разбирательства и должно привести к аннулированию ордера на экзекватуру

6.1.2.1. Обращение судьи первой инстанции к понятию «решающая причина» неверно

90. После неполного анализа ситуации судья первой инстанции пришел к выводу (см. обжалуемое решение, стр. 28), что *«апеллянт не предоставляет доказательств того, что произведенные мошенничества имели явное и определенное влияние на исход дела, или, другими словами, на то, что они являются “определяющей причиной”».*

91. При этом судья первой инстанции принял ошибочную концепцию причинно-следственных связей под влиянием необоснованных утверждений сторон-ответчиков в этом отношении.

92. Проверка отказа от исполнения арбитражного решения по мошенничеству заключается не в проверке того, является ли предполагаемое мошенничество «определяющей причиной» Решения в том виде, в котором оно было вынесено. Скорее, она заключается в проверке того, действительно ли арбитражный суд мог знать о фактах мошенничества, которые могли повлиять на разрешение спора.

93. В этом контексте следует напомнить, что в соответствии со статьями 1704, §3, а) и 1723, 3° предыдущего издания Судебного кодекса, арбитражное решение может быть отменено и/или его экзекватура отклонена, если данное решение было «получено в результате мошенничества». Не вызывает сомнения тот факт, что эта формулировка охватывает как *арбитраж*, так и *мошенничество в ходе арбитража* посредством использования нечестных маневров, которые препятствуют надлежащему проведению судебного разбирательства.

94. Таким образом, ответственный за проверку того, что арбитражное решение не было «получено в результате мошенничества», судья, рассматривающий дело об отмене решения или возражении против исполнительного приказа, должен только задаться целью узнать, могла ли в результате обжалованных маневров, которые целесообразно рассмотреть в суде, судебная истина отличаться от той, которая выражается в оспариваемом решении, на том основании, что мошенничество препятствовало возражению, главное свойство которого для раскрытия судебной истины больше не демонстрируется.

Другими словами, вопрос заключается в том, могли ли представленные факты оказать влияние на решение, а не то, были ли они на самом деле определяющими, что, по сути, является рискованной практикой.

95. Следует отметить, что изложенный таким образом тезис был одобрен Кассационным судом¹², который санкционировал «нечестные процессуальные маневры», которые привели к тому, что «судья, чье решение было принято и вступило в законную силу, мог узнать о фактах, которые имеют решающее значение для разрешения спора», что может иметь место, в частности, когда указанные маневры были направлены на то, чтобы помешать противоположной стороне подать свои возражения»¹³.

96. Настаивать, как это делают ответчики, что предполагаемое мошенничество является «определяющей причиной» решения, или, другими словами, что «без мошенничества арбитражное решение не было бы вынесено», значительно ограничивает сферу применения статей 1704, §3, а) и 1723, 3° в предыдущем издании Судебного кодекса, в той мере, которая никак не вытекает из требований законодательства.

97. Судья первой инстанции, ограничившись рассмотрением концепции «решающей причины», не принял во внимание сферу проверки причинности, которая должна проводиться согласно гипотезе причины и игнорирования, согласно статьям 1704, §3, а) и 1723, 3° в предыдущем издании Судебного кодекса.

98. Именно в обязанностях Апелляционного суда, делающего то, что судья первой инстанции не сделал, выяснить в соответствии с вышеупомянутыми положениями, могут ли маневры, осуждаемые апеллянтом, оказать влияние на решение, чем они препятствовали действительному возражению, и, следовательно, требованию его отмены.

99. В любом случае полезно, чтобы апеллент изложил затем, в чем, в частности, заключалось влияние мошенничества.

6.1.2.2. Влияние мошенничества на арбитражное разбирательство

¹² В контексте, более строгом, чем данная экзекватура, личного умысла, который может оправдать гражданский иск об отмене окончательного решения, вынесенного гражданским судом, согласно статьям 1132 и след. Судебного кодекса.

¹³ Касс., 11 мая 2001, *Пас.*, 2001, р. 830.

100. Во-первых, указанное мошенничество оказало очевидное влияние на арбитражную процедуру.

101. Информированный должным образом, Арбитражный суд должен был отклонить иск, поданный сторонами-ответчиками, по крайней мере по одной из трех следующих причин: (i) некомпетентность Суда или характер спора, не подлежащий арбитражу; (ii) неприемлемость требований; и/или (iii) отсутствие причины действия. Эти причины кратко объяснены ниже.

82. Прежде всего, описанные выше финансовые и другие мошенничества, если бы они были известны Арбитражному суду, привели бы к отклонению исков из-за некомпетентности суда или не подлежащего арбитражу характера спора.

83. Действительно, общепринято, что инвестор не может проводить арбитражную процедуру против государства, если предполагаемые инвестиции сделаны с использованием мошенничества, финансовыми нарушениями или когда какая-либо сторона виновна в коррупционных действиях.

84. В этой связи можно сослаться на дело *Инсейса против Республики Сан-Сальвадор*, в ходе которого инвестор (заявитель в арбитражной процедуре) представил в контексте объявления о проведении торгов мошенническую финансовую отчетность, не представляющую реальную финансовую ситуацию его компании. Суд постановил:

«Предоставленные финансовые отчеты [заявителем] не отражают фактических условий, поскольку содержащаяся в них информация неверна (...). [Истец предоставил ложную и некорректную информацию в ходе проведения торгов. Данное поведение является чрезвычайно сложным, поскольку финансовое положение является одним из основных элементов, который учитывается при принятии решения о предложении, и в частности это послужило основанием для данного арбитража. Заведомо ложные сведения и неточности являются грубым нарушением одного из принципов предложения».

Таким образом, в данном случае Трибунал решил, что наличие финансового и аудиторского мошенничества при осуществлении инвестиций исключило право инвестора на защиту по Договору о защите инвестиций, и он объявил себя некомпетентным для понимания судебного процесса.

85. Затем, даже если предположить, что юрисдикция или подведомственность споров арбитражу установлены (по сути дела), мошенничество и финансовые нарушения, как указано, должны привести к отклонению претензии по существу. Здесь можно сослаться на дело *Samit против Laos*, в котором Арбитражный суд отклонил иск по существу на том основании (i), что инвестор совершил недобросовестную сделку, и (ii) что заявленные финансовые продукты содержали значительные нарушения.

Таким образом, Трибунал подчеркивает:

«Доказательства очевидно указывают, что [истцы] действовали недобросовестно по отношению к правительству с момента первоначального подписания Paksong Hotel и PDA Casino, которое требовало гостиницу и казино стоимостью 25 миллионов долларов, вплоть до финансовых нарушений в работе отеля Savan Vegas и казино. *Истцы никогда не намеревались построить в Пакшонге объект стоимостью 25 миллионов долларов США. (...) Недобросовестность сохранялась на протяжении всего спора в отношении отеля и казино Savan Vegas, которые были построены, но действовали в нарушение обязательств правительства Самума по отчетности (и когда счета были наконец открыты, обнаружилось значительные финансовые нарушения)* ... В деле Феникс против Чешской Республики суд классифицировал «средства правовой защиты и судебное преследование Феникса в этом арбитраже» как «злоупотребление международной арбитражной системой (Международный центр по урегулированию инвестиционных споров)». (...) Хорошо известно, что недобросовестное поведение инвестора влечет предоставление компенсации в соответствии с инвестиционным договором ».

86. По сути, недобросовестность инвестора приводит к отклонению претензии по существу, когда вскрытое мошенничество влияет на реализацию или исполнение инвестиций.

87. Вышеизложенное подтверждается в докладе профессора Кристофа Шройера, признанного эксперта в области инвестиционного арбитражного права и автора Договора, регулирующего рассматриваемые отношения. Истец консультировался с ним после обнаружения переписки КПМГ и других элементов мошенничества и коррупции, описанных выше.

В своем докладе профессор Кристоф Шройер объясняет, что:

- Добросовестность является обязательным условием для заявления об арбитраже. Следовательно, «наличие фактов недобросовестности инвесторов неизменно приводит к отклонению их запросов». Это условие является частью так называемой доктрины «чистых рук», согласно которой суды и трибуналы отказываются «предлагать средства правовой защиты в ситуациях, вызванных незаконными или аморальными методами»;
- Доктрина «чистых рук» исключает истца, который пытается полагаться на свою вину. Инвестиционные арбитражные суды однозначно присоединились к этому принципу и систематически отклоняют запросы и действия, основанные на коррупционных действиях или незаконных инвестициях, в частности с помощью ложных или мошеннических доказательств;
- Хорошо известно, что инвестору, который совершил коррупционные действия или подкуп должностных лиц, будет отказано в защите инвестиций. Такие действия приведут к отклонению инвестиционного запроса либо на этапе отправления правосудия, либо в рамках основной процедуры.

89. В настоящем деле арбитражное разбирательство, инициированное ответчиками, было основано на фальшивых и мошеннических финансовых отчетах, полученных после ложных заявлений, доведенных до КПМГ и на которые они ссылались, чтобы подтвердить существование, законность и важность своих инвестиций в Казахстан. На практике стороны-ответчики никогда бы не смогли оспорить этот тезис, если бы Арбитражному трибуналу было известно о ложных утверждениях, сделанных руководством Группы Стати, и которые КПМГ расценила как существенные аномалии.

90. Кроме того, если бы Апелляционный суд был проинформирован о признании недействительными отчетов КРМГ и о том, что нельзя доверять финансовой отчетности (представленной ответчиками в ходе арбитражного разбирательства) из-за обмана и ложной информации, переданной сторонами-ответчиками своему аудитору, Апелляционный суд был бы вынужден отклонить дело в соответствии с арбитражной практикой. Следовательно, арбитражное решение никогда бы не было вынесено.

В данной связи, профессор Кристофер Шройер отмечает:

«Имеющиеся в настоящее время доказательства, в частности переписка КРМГ и ложные финансовые отчеты, явно демонстрируют незаконное поведение и недобросовестность [ответчиков]. Предоставление данных доказательств Апелляционному суду имело бы решающее значение для определения его юрисдикции, приемлемости требования [ответчиков] и ответственности [истца]»¹⁴.

91. Кроме того, Апелляционному суду также потребовалось бы отклонить требования сторон-ответчиков в соответствии с указанными выше условиями, если бы ему стало известно (i), что первые два ответчика разработали механизм присвоения денежных средств от их так называемой инвестиции в Казахстане в целях личной выгоды, скрывая данный механизм от всех заинтересованных сторон, включая их внешних аудиторов, их банки, инвесторов на финансовых рынках и (ii) что первые два ответчика выплатили крупные денежные суммы дочери заместителя министра Казахстана, ответственного за энергетику.

92. Наконец, мошенничество, подтвержденное перепиской КРМГ, а также махинации ответчиков напрямую влияют на права истца на справедливое судебное разбирательство и, в частности, на его право на возражения в арбитражном разбирательстве.

93. Действительно, махинации, произведенные ответчиками, препятствовали раскрытию судебной/арбитражной истины и лишили истца способности успешно выступить в суде на основе информации, доступной на сегодняшний день. Судебное разбирательство неизбежно приняло бы совершенно иной оборот, если бы эта информация была известна. Во-первых, как отмечалось, судья должен был бы вынести решение по юрисдикции, арбитражу и основанию иска.

¹⁴ Экспертный отчет от 21 января 2020 г. §§ 71-72.

Также, международная арбитражная процедура, подобная той, которая применяется в данном случае, в значительной степени зависит от достоверности свидетельских показаний. Если бы члены Апелляционного суда знали, что перед ними предстали свидетели (и стороны), которые сфальсифицировали финансовую отчетность до такой степени, что KPMG пришлось отозвать свои аудиторские заключения, они никогда бы не подтвердили достоверность свидетельских показаний ответчиков.

6.1.2.3. Влияние мошенничества на величину ущерба

94. Во-вторых, разоблаченное мошенничество оказало значительное влияние на размер суммы, присужденной Апелляционным судом ответчикам.

95. Апелляционный суд присудил ответчикам сумму в 199 миллионов долларов США, что соответствует их так называемой "инвестиции" в электростанцию. Эта сумма была установлена в соответствии с Ориентировочным предложением, которое было сделано третьей стороной (КМГ) для приобретения вышеуказанной электростанции. Апелляционный суд посчитал, что это предложение было *«лучшим относительным источником»* для оценки суммы ущерба. Тем не менее, ориентировочное предложение КМГ было основано, на 50%, на исторических затратах на строительство электростанции, как представлено в Информационном меморандуме, который был составлен на основе (завышенных) цифр, содержащихся в финансовых отчетах.

96. При этом Апелляционный суд основывал свое решение на ложных данных, которые были результатом мошенничества со стороны ответчиков. Очевидно, что Апелляционный суд никогда бы не счёл, что Ориентировочное предложение КМГ было *«лучшим относительным источником»*, если бы ему было известно, что информация, лежащая в основе этого предложения, была ложной и фальсифицированной.

97. Кроме того, из переписки KPMG становится очевидным факт присвоения так называемых инвестиций в Казахстане. Присвоенная сумма должна рассматриваться как скрытая прибыль или дивиденды в пользу ответчиков и должна была быть вычтена из компенсации, присужденной за так называемый убыток, связанный с «инвестициями» ответчиков в Казахстане.

Если бы Апелляционному суду был известен этот факт, присвоенные суммы обязательно были бы приняты во внимание при определении размера так называемого убытка, связанного с «инвестициями» ответчиков в Казахстане. В противном случае компенсация убытков приведет к «двойному учету», как объясняет РwС в своем экспертном заключении¹⁵:

«[сделки] просто представляют собой способ перевода средств из TNG (которые, как мы понимаем, изначально предоставлялись различными сторонними инвесторами) в Perkwood и, следовательно, в компанию, контролируруемую [ответчиками]. Поскольку сумма, присужденная [апелляционным судом], была предназначена для возмещения компенсации [ответчикам] убытков, якобы понесенных в связи с их инвестициями в Казахстане, в том числе в отношении электростанции и в той степени,

¹⁵ См. отчет РwС от 21 января 2020 г., с. 12 (§ 37) и с. 15 (§45).

в которой [ответчики] уже потенциально могли получить скрытый дивиденд путем перевода средств из TNG посредством завышенных сумм сделок с Perkwod, эти завышенные затраты будут отражать двойной учет так называемых инвестиций в пользу [ответчиков]."

98. Это также относится к сделке Ларена (т.е., как объяснялось выше, к долгу, принятому на себя ответчиками для финансирования своих инвестиций в Казахстане и заключенному на якобы «ужасающих» условиях вследствие так называемых «действий» истца), на которую ответчики ссылались как на часть своего убытка. Внутренние документы ответчиков доказали, что предоставленные данные, связанные с заключением данной сделки, были сфальсифицированы.

7. 4-е заявление: судья первой инстанции ошибочно счел, что арбитражное разбирательство было справедливым

99. Судья первой инстанции отклонил заявление истца, касающееся несправедливого решения судьи по умолчанию в отношении истца и несоблюдения трехмесячного периода ожидания, предписанного статьей 26. § 2 ДЭХ.

Судья первой инстанции ошибочно полагал, что заявление о нарушении вышеупомянутого трехмесячного периода ожидания было «неприемлемым» на основании решения суда Свеаланда по данному вопросу. Как отмечалось выше, решение суда Свеаланда не имеет силы судебного постановления в Бельгии и ни в коем случае не может помешать бельгийскому судье осуществлять контроль над приговором в свете заявления, поданного истцом по этому вопросу.

Судья, участвующий в судебном разбирательстве, также ошибочно утверждал в отношении заявления о несправедливости решения судьи по умолчанию в отношении истца, что суд был «связан позицией Суда Свеаланда», заключая, что правила Стокгольмского арбитража были соблюдены апелляционным судом по причинам, упомянутым выше. Кроме того, судья первой инстанции ошибочно решил, что процедура, предусмотренная правилами Стокгольмского арбитража, не противоречит основополагающим принципам бельгийского правопорядка. Напротив, не только не были соблюдены правила Стокгольмского арбитража, но и истцу было отказано, при нарушении его основополагающих прав, эффективно использовать свое право назначать судью в составе арбитража, состоящего из трех человек, в то время как это право было признано за ответчиками и реализовано ими.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ,

С учетом всех других юридических или фактических заявлений, предоставленных в ходе разбирательства,

БРЮССЕЛЬСКИЙ АПЕЛЛЯЦИОННЫЙ СУД ПОСТАНОВЛЯЕТ,

Объявить данную апелляционную жалобу приемлемой и обоснованной.

Пересмотреть судебное решение в апелляционном порядке, за исключением тех случаев, когда оно объявлено приемлемым возражение третьей стороны против постановления экзекватуры от 11 декабря 2017 года, и, руководствуясь новыми положениями,

- Признать обоснованным первоначальное возражение третьей стороны против постановления экзекватуры;
- Постановить, что процедура экзекватуры подчиняется положениям шестой части Судебного кодекса в их прежней формулировке до принятия закона от 24 июня 2013 года;
- Главным образом, констатировать, что постановление экзекватуры от 11 декабря 2017 года было вынесено некомпетентным судом, с применением неприменимых, даже несуществующих положений, и, следовательно, распорядиться об аннулировании и отзыве данного постановления;
- Дополнительно, объявить возражение третьей стороны против постановления экзекватуры обоснованным и констатировать, что решение суда не могло и не может быть признано или приведено в исполнение в Бельгии в соответствии с прежними статьями 1723, 2; и 1723, 3° в совокупности с 1704, §3, а), b) и c), и 1704, §2, b), c), d), f) и g) Судебного кодекса (до его изменения в соответствии с законом от 24 июня 2013 года и на основании статей V, §2, а), V, §2, b), V, §1, b), V, §1, c) и/или V, §1, d) Нью-Йоркской конвенции и, следовательно, распорядиться об аннулировании и отзыве постановления экзекватуры;
- Обязать ответчиков оплатить расходы и издержки по иску, включая ликвидационную процессуальную компенсацию, по максимальной сумме за тяжбы, которые не могут быть оценены денежной суммой, то есть 36 000 евро.

И ТАКОВО БУДЕТ ПРАВОСУДИЕ.

Брюссель, 17 февраля 2020 г. Для истца,
Один из его адвокатов,

Бруно Харди